

Хэ Сы вздрогнул от этого «старика», но лицо его осталось невозмутимым. Он даже любезно улыбнулся евнуху, потом взял из рук Чжао Цзинчжуна коробку с едой и, не спеша, переступил порог дворца.

В Дворце Вечной Весны царил хаос: куры летали, собаки носились, люди кричали и валились с ног. Юный император, растрёпанный и босой, стоял на столе из белого мрамора вышиной в три чи, вытаращив чёрные-пречёрные глазёнки и тыча пальцем в дрожащего на полу евнуха:

— Ах ты, бесхвостый пёс! Осмелился отравить своего государя?! Голову с плеч! Немедля голову с плеч!

Орал он так, что, казалось, содрогаются горы и реки, а бедный евнух трясся, как в лихорадке, рыдая в три ручья и причитая:

— Не смел, не смел! Невиновен я! Пощадите, ваше величество!

Евнуха прислала сама вдовствующая императрица в качестве личного слуги государя. Сама же её величество, опираясь на руку служанки, дрожала от ярости, лицо её было цвета железа. Она несколько раз пыталась вставить слово, но император, словно сварливая баба, заглушал её своими воплями.

Хэ Сы, держа коробку с едой, стоял у стены, смакуя представление. В душе он поражался: ишь ты, щенок, ругается — и ни разу не повторится! Словарный запас — загляденье!

Ругательства государя постепенно сменили направление: от «государственной измены и покушения на особу» перешли к «ни мужик, ни баба, ни то ни сё, мужик, а рожа бабья». При этом император то и дело косился в сторону дворцовых ворот.

Хэ Сы почувствовал, как у него заныла спина, и понял: пора заканчивать с созерцанием. Он наложил на лицо самую безмятежную улыбку и с привычной ловкостью вступил в дело:

— Ваше величество~

— Заткнись, собака! Кто позволил тебе лаять?! — внезапно взорвался император, указывая на евнуха.

Хэ Сы мгновенно подхватил, переводя стрелки:

— Бестолковое отродье! Государь велел заткнуться, а ты всё воёшь да ноешь! Молчать!

Евнух разом заткнулся.

«...» У императора только дыхание перехватило, он ещё рта не успел раскрыть, как его опередил грозный окрик Хэ Сы. Слова застряли в горле, не выйти и не вдохнуть, отчего лицо его побагровело.

Все присутствующие, увидев Хэ Сы, разом выдохнули с облегчением. Особенно вдовствующая императрица — её глаза вспыхнули, мрачные тучи разом рассеялись. С величавым достоинством она поправила причёску и неспешно произнесла:

— Глава Палаты прибыл.

Хэ Сы склонился в почтительном поклоне и мягко пожелал её величеству здравия.

На лице вдовствующей императрицы наконец-то появилась улыбка.

Император с отвращением глянул на неё, потом на Хэ Сы, будто увидел нечто мерзкое, и резко отвёл взгляд. Продолжать свои намёки теперь было бессмысленно. Он лишь фыркнул с холодным презрением и закутался в свою рваную, мешковатую хламиду:

— Ты зачем пришёл?

Он хоть и мал, но уже понимал: Восточную палату ему не перечить. Даже его покойный батюшка при встречах со старым главой Палаты улыбался в три ряда, говорил мягко и голоса не повышал. Старый глава славился своей беспощадностью, и его жестокость была сравнима разве что с демонской. Но Хэ Сы он не боялся.

Хэ Сы давно уяснил, что государь в грош его не ставит. В душе он уже мысленно прошёлся по всем восемнадцати коленам императорских предков, но на лице сохранил почтительность и даже добавил нотку заботы:

— Ваш слуга прослышал, что ваше величество изволили разгневаться из-за этого никудышного создания и даже отужинать не соизволили. Потому лично принёс немного снеди.

С этими словами он сделал несколько шагов вперёд и с почтительным видом подал коробку с едой.

Коробка была самая обычная, но аромат, исходивший из неё, сводил с ума — особенно для не ужинавшего государя. Пахло мясом, и император невольно сглотнул слюну. Но он не мог раскусить замыслы Хэ Сы и подозрительно водил глазами между ним и коробкой. Хэ Сы же стоял, склонив голову, и разглядеть его выражение было невозможно. Государь, холодно окинув взглядом золотую вышивку на шапочке Хэ Сы, напряжённо спросил:

— Что это?!

Хэ Сы тут же, подобострастно, ответил:

— Мясное пюре. Ваш слуга лично срезал нежнейшее мясо с собственного бедра и томил на медленном огне несколько часов. Получилось пюре — тает во рту, необычайно сочно. Не изволит ли ваше величество отведать?

Услышав «мясное пюре», император слегка изменился в лице. А когда дошло до «лично срезал с бедра», щёки его побелели. Соблазнительный мясной аромат, струившийся из коробки, уже не вызывал голода, а лишь подступающую тошноту.

Особенно когда Хэ Сы в этот момент слегка приподнял голову и улыбнулся. Его губы были алыми, будто вымазаны кровью, а кожа — белой как снег. Выглядел он точь-в-точь как демон, только что полакомившийся человечинной и не удосужившийся обтереться.

У императора волосы встали дыбом, ледяная струя пробежала от пяток до макушки. Он вскрикнул, спрыгнул со стола и кинулся в объятия вдовствующей императрицы, уткнувшись лицом в её одежды и не смея больше взглянуть на Хэ Сы:

— Ма-матушка... я устал... Пусть... пусть глава Палаты идёт.

Вдовствующая императрица с бессилием погладила его по голове, вздохнула и подняла глаза на Хэ Сы, по-прежнему почтительно стоящего в отдалении:

— Глава Палаты...

Хэ Сы отозвался, поднял голову и мягко улыбнулся:

— Раз ваше величество изволили утомиться, следует почтить. Дворцовые ворота скоро закроются, а у вашего слуга ещё есть дела. Позвольте откланяться.

Вдовствующая императрица смотрела на него, словно желая что-то сказать, но в конце лишь ещё раз вздохнула:

— Ступайте.

...

Выйдя из Дворца Вечной Весны, Хэ Сы наконец позволил себе облегчённо выдохнуть. Он достал из рукава носовой платок и неспешно вытер тонкую испарину на лбу.

Как гласит поговорка, «и честному чиновнику не распутать семейных драм», что уж говорить о таком безродном и бесполом слуге, как он!

Он — не его приёмный отец. Старый глава Палаты и покойный император были связаны узами, скреплёнными кровью. Во время Смуты годов Чуньюань именно старый глава с тридцатью бойцами ворвался в самую гущу мятежников и вынес оттуда императора.

Покойный государь страшился старого главы, но ещё больше на него полагался.

А что до него и нынешнего императора... Хэ Сы мысленно язвительно усмехнулся. Разве он не видел, как тот щенок смотрит на него, будто на злого мачеха, взглядом, готовым изрезать его на тысячу кусочков?

Хэ Сы тяжело вздохнул, и в душе его шевельнулась тоска. Будь у него такой сынишка, он бы ещё восемьсот лет назад во имя справедливости прирезал его и пустил на паровые пирожки.

Погружённый в эти невесёлые думы, он не заметил, как призрачный Чжао Цзинчжун внезапно возник у него за спиной и таинственно прошептал:

— Господин глава~

Хэ Сы вздрогнул и выругался сгоряча:

— Твою мать!

Чжао Цзинчжун аж воздух всхватил, и на лице его отразился ужас:

— Господин глава... Моей матери нынче... шестьдесят восемь.

Как вы, чёрт возьми, умудрились стать Четырьмя Великими Хранителями при моём отце? Благодаря выдающемуся таланту по части поиска смерти?

Хэ Сы так и не смог этого постичь, но лицо его оставалось невозмутимым. Он лишь крикнул, покрутил турмалиновое кольцо на большом пальце и с полным спокойствием спросил:

— В чём дело?

Чжао Цзинчжун, видя, что глава больше не вспоминает о его шестидесятивосьмилетней матери, тайно вздохнул с облегчением, подошёл мелкими шажками поближе и озабоченно прошептал:

— Господин глава~ Вдовствующая императрица зарится на вашу красоту. Будьте осторожны!

Хэ Сы: «...»

Ты — глава жестоких и беспощадных тайных агентов Восточной палаты. Не слишком ли ты, дружок, сплетничаешь?

Глядя на Чжао Цзинчжуна с его вечно-озабоченным, материнским выражением лица, Хэ Сы глубоко проникся мыслью, что Восточной палате — конец.

Сквозь осеннюю ночь проплыл протяжный звук ночного колотушника. Со времени великой траура по покойному императору во дворце витало некое неуловимое, тоскливое одиночество.

Хэ Сы по натуре любил шум, а не тишину. Послушав эти звуки, он почувствовал, как по коже побежали мурашки. Махнув рукой Чжао Цзинчжуну, чтобы тот подал паланкин, он решил вернуться и как следует разобраться с той истрёпанной книжонкой, которая с первой же страницы осмелилась над ним насмеяться.

Но паланкин ещё не подали, как один из Четырёх Великих Хранителей, Ли Баого, бесшумно, словно из-под земли, возник перед Хэ Сы и тонким голосом произнёс:

— Господин глава~

Хэ Сы ещё не успел испугаться, как мурашки уже побежали по коже. Он снова вытер несуществующий пот со лба:

— И откуда ты взялся?

В отличие от могучего и дюжего Чжао Цзинчжуна, Ли Баого был тщедушным и долговязым. А из-за многих лет, проведённых в темноте, его кожа была мертвенно-бледной, без намёка на жизнь.

Хэ Сы не знал, какими критериями руководствовался его приёмный отец, выбирая Четырёх Великих Хранителей. Наверное, принцип был — чем страннее, тем лучше...

Ли Баого поднял лицо, ещё более сизое, чем у покойника. Его глаза в лунном свете отливали призрачной синевой.

<http://bllate.org/book/16284/1466910>